

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ЭТИМОЛОГИИ ФОРМ ЭТРУССКОГО VERBUM SUBSTANTIVUM

Вопрос о генетических связях этрусского языка, несмотря на большое число проведенных исследований, до сих пор остается спорным. Не раз высказывалось мнение о его возможной принадлежности к индоевропейским. Такая точка зрения получила довольно широкое распространение¹, хотя и не является общепризнанной². Ее противники обычно указывают на то, что она основывается на разрозненных морфологических фактах и лексических параллелях, не всегда принадлежащих к наиболее устойчивым частям словаря, что, безусловно, снижает их доказательную силу. Пожалуй, только В. Георгиев попытался на место отдельных изолированных фактов поставить соответствия в ряде связанных между собой морфологических элементов и в основных группах лексики³. Но из-за сложности и недостаточной последовательности принимаемых им фонетических переходов его работа также была с недоверием встречена критикой.

Благоприятные условия для скептических высказываний создают скудность доступных нам этрусских языковых материалов, большими пробелами в знании тех форм, которые могли бы служить наиболее убедительными доводами при определении родственных связей. Важнейшими среди них, бесспорно, являются формы глагола 'быть', из которых, к сожалению, пока была известна только одна — 1 л. ед. ч. *ame* 'есмь'⁴. Такая изолиро-

¹ По вопросу индоевропейского характера этрусского языка накопилась уже обширная литература. Обзор основных работ, составленный в историческом плане, и дополнительную библиографию см. в кн.: E. F i e s e l. *Etruskisch (Die Erforschung der indogermanischen Sprachen, II)*. Berlin—Leipzig, 1931. Из недавних исследований можно указать: В. Г е о р г и е в. Вопросы родства средиземноморских языков. — ВЯ 1954, № 4, стр. 42—75; О н ж е. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 184—195; О н ж е. *Hethitisch und Etruskisch*. Sofia, 1962.

² Некоторые видные представители современной западноевропейской этрусологии — М. Паллоттино, К. Ольцша, А. Пфиффиг — выступают противниками этого взгляда.

³ «Исследования по сравнительно-историческому языкознанию», стр. 187—193.

⁴ См., например: M. P a l l o t t i n o. *Elementi di lingua etrusca*. Firenze, 1936, стр. 57; A. T r o m b e t t i. *La lingua etrusca*. Firenze, 1928, стр. 242.

ванность затрудняла ее возведение к исходной индоевропейской основе. Поэтому было бы особенно важно выявить другие формы того же глагола. Анализ имеющихся в нашем распоряжении надписей позволяет сделать это, по крайней мере, применительно к двум из них, чему и посвящается настоящий доклад.

1. На дне фрагментированного краснолакового сосуда из Карнайо близ Ареццо⁵ имеется граффито: *sez xuarde xartillas*. Как сообщает А. Фабретти, оно начертано в том месте, где на других обнаруженных там же обломках сосудов имеются гончарные клейма⁶. В сущности, оно также представляет собой распространенную фабричную надпись, аналогии которой известны, например, из оскской эпиграфики⁷. Его анализ удобнее начать с конца.

xartillas — видимо, гентилиций гончара в родительном падеже 'Хартилия', ср. лат. *Cartilius, Cartilia*⁸. Это имя представляет известный интерес. Среди других этрусских родовых имен, сохранных погребальными надписями и принадлежавших представителям этрусского нобилитета, оно отсутствует. Само звучание (написание) его не вполне обычно для этрусского языка⁹. Небезынтересно поэтому его сопоставление с засвидетельствованным в Ликийи, правда, в несколько более позднее время (I в. до н. э.), гентилицием *Καρταλις*¹⁰. Присутствие в Этрурии малоазийско-греческих ремесленников, в том числе и гончаров, предполагалось и ранее¹¹. Теперь это предположение получает некоторую, хотя бы косвенную, опору в материалах надписей.

*xuarde*¹² — вероятно, местный падеж этрусского наименования

⁵ A. Fabretti. *Corpus inscriptionum Italicarum*. Torino, 1867, № 466 bis.

⁶ Там же.

⁷ Чернолаковая тарелка из Суэссулы: *minis : beriis : anei : upsatuh : sent : tiiane* («Миния Берия в гончарне изготовлены суть (т. е. изготовлены в гончарне Миния Берия) в Теано» (E. Vetter. *Handbuch der italischen Dialekte*. Heidelberg, 1953, [далее — HID], N 124a; M. Uffa. *Nuova raccolta di iscrizioni etrusche*. Firenze, 1935 [далее — NRIE], N 1017); тарелка из Теано: *vibielsen : beriieis : anei : upsatuh : sent : tiiane*: «Вибия Берия в гончарне изготовлены суть, в Теано» (HID, № 124b; NRIE, № 1036); другая тарелка из Теано: *beriiumen : anei : upsatuh : sent : tiiane* («В гончарне Бериев изготовлены суть, в Теано» (HID, № 124c; NRIE, № 1037).

⁸ *Corpus inscriptionum Etruscarum*, № 848 и 1967. Оба имени представлены латинскими надписями, обнаруженными на территории Этрурии и относящимися к сравнительно позднему времени. Первое принадлежало гаруспику Лудию Картилию. Второе же, судя по размерам урны, было именем ребенка — Велии Карт(и)лии.

⁹ Особенно удвоение согласного *l*.

¹⁰ J. Sundwall. *Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischen Namenstämme*. — «Klio», 11. Beiheft. Leipzig, 1913, стр. 104; A. Trombetti. *Saggio di antica onomastica Mediterranea*. Firenze, 1942, стр. 34, 89.

¹¹ Например: M. Pallottino. *The Etruscans*. Harmondsworth, 1956, стр. 195.

¹² А. Фабретти в своей транскрипции этой надписи приводит чтение конечного *-e* лишь как возможное, но на основании им же опубликованного факсимиле (Указ. соч., табл. XXIX) оно не вызывает сомнений.

гончарни. Корень *huar-* в конечном счете, видимо, восходит к и.-е. **q^wer-*, давшему ряд терминов, связанных с гончарным производством во многих индоевропейских языках. Например, др.-инд. *carū* 'котелок, горшок', др.-ирл. *coire* 'котелок', др.-исл. *hver-n-a* 'кухонный горшок'; возможно, также русск. *чара*, хотя последнее может быть заимствованием из тюрк. *čara* 'большая чаша'. Но этр. *huar-* не может быть непосредственно выведено из указанного индоевропейского корня, который закономерно должен был бы дать **cer*¹³. Поэтому приходится предполагать его заимствование из какого-то промежуточного источника. Это тем более вероятно, что данный «технический термин» и в других языках нередко представлен формами, которые, в силу их фонетических особенностей, не могут быть прямо выведены из индоевропейского языка-основы. Например, греч. *κέρως* 'глиняная чаша для жертвенных плодов' и *κέραμος* 'глиняный сосуд, черепица, горшечная глина', являющиеся, по-видимому, старыми догреческими заимствованиями.

Корень *huar-* в нашем случае распространен суффиксом *ϑ(e)*. Окончание *-e*, возникшее, вероятно, из более древнего *-ei* в соответствии с известными закономерностями этрусской фонетики¹⁴, является показателем локатива¹⁵.

Но наиболее интересным словом всей надписи для нас является *sez*, в котором, очевидно, сохранена форма 3-го лица мн. числа субстантивного глагола 'быть', т. е. 'суть'. Оно закономерно выводится из и.-е. **sénti* (*t > z* перед *i* с дальнейшей редукцией этой гласной и выпадением сонанта *n*)¹⁶.

Другой несомненный случай употребления глагольной формы 3-го лица мн. числа имеем в *menaχzi*, представленном надписью на бронзовой статуэтке из Монтальчино¹⁷: *θα cenenei / duplθα / lcauzna / swluši. lapis menaχzi* «Тана Кенкне [богине] Туфulte, Ларт Каутсна [богу] Сувлу статую в дар приносят». Поскольку здесь говорится о принесении статуи двумя лицами, следует ожидать, что глагол-сказуемое должен стоять во множественном числе. И действительно, вместо известных по ряду других над-

¹³ См.: О. I. Харсекин. Про индоевропейські компоненти етрусської мови. — «Доповіді звітної-наукової конференції Кременецького педагогічного інституту». Кременец, 1965, стр. 72.

¹⁴ Например: M. Pallottino. *Elementi di lingua etrusca*, стр. 20.
¹⁵ См.: W. Deecke. *Der Dativ larθiale und die Stammerweiterung auf -ali*. — «Etruskische Forschungen und Studien». II. Stuttgart, 1882, стр. 6; S. Bugge. *Beiträge zur Erforschung der etruskischen Sprache*. — «Etruskische Forschungen und Studien», IV. Stuttgart, 1884, стр. 102; F. Slottu. *Beiträge zur Etruskologie*. Heidelberg, 1952, стр. 115, 122.

¹⁶ О переходе *t > z* см.: О. I. Харсекин. Указ. соч., стр. 72. О выпадении сонантов перед смычными см.: E. Fiesel. *Namen des griechischen Mythos im Etruskischen*. Göttingen, 1928, стр. 58 сл.

¹⁷ M. Pallottino. *Testimonia linguae Etruscae*. Firenze, 1954, N 447 (далее — TLE).

писей¹⁸ *tenaxe, tenese* 'дарует' находим здесь форму с окончанием *-zi*, фонетическая история которого (< и.-е. **-nti*) развивалась в том же направлении, как и в *sez*, и привела к аналогичному результату, но с сохранением конечного гласного *-i*¹⁹.

В заключение можно сделать перевод всей надписи. Трудность точной передачи ее содержания по-русски заставляет сделать это средствами структурно более близкого этрусскому латинского языка: «*Sunt [facta] in figlinā Cartilli*», т. е.: «Суть в гончарне Картилия [эти изделия изготовлены]». Употребление глагола во множественном числе объясняется, видимо, тем, что здесь, как и в приведенных выше оскских надписях, речь идет об изготовлении не отдельных изделий, но целой партии товара.

2. Еще одна форма интересующего нас глагола, по-видимому, засвидетельствована в легенде на метательном снаряде из Клузия²⁰. Эта краткая надпись гласит: *as̄θ tusnutnie*. Последнее слово является этрускизированным умбским гентилицием, который в позднейшее время представлен как *Tussanius* в многочисленных латинских надписях, происходящих из Умбрии²¹. Для одного из представителей этого рода во время какого-то военного столкновения и предназначен, вероятно, этрусский метательный снаряд. Второе слово надписи *as̄θ* — несомненно, глагол в императиве, наиболее частым показателем которого в этрусском было окончание *-θ*²². Исходя из назначения надписи, в нем с достаточной вероятностью можно усматривать императив единственного числа глагола 'быть', также возводимый к и.-е. **ésdhi*. Вся надпись в таком случае переводится: «Будь для Туснутне!»

Теперь можно вернуться к ранее известной форме 1-го лица ед. числа *ame* 'есмь'. Ее происхождение из и.-е. **ésmi* возможно в результате утраты согласного корня *s*. Впрочем, выпадение последнего в 1-м лице, при сохранении в остальных, не является редкостью и в других индоевропейских языках. В качестве примера можно указать на греч. *εἶμι* 'есмь', но *ἐστί* 'есть'; гот. *im* 'есмь', но *ist* 'есть'; алб. *jam* 'есмь', но *ásht* 'есть'; др.-ирл. *am* 'есмь', но *is* 'есть' и др.

Некоторое недоумение может при этом вызвать способ образования хорошо известного перфекта этого глагола *amce* 'был', поскольку очевидно, что перфектный суффикс *-ce* присоединяется здесь не к основе, но к форме, включающей согласный элемент окончания 1-го лица. Представляется возможным лишь следующее объяснение. Известно, что образования на *-mi* не были характерны для системы спряжения этрусского глагола. Представ-

¹⁸ TLE 282, 370, 652.

¹⁹ Различие это, возможно, чисто графическое.

²⁰ TLE 492.

²¹ Corpus inscriptionum Latinarum, VI, 218, 1058, 1534, 2316, 27843; VIII, 10570; XI 6048 и др.

²² Например: M. P a l l o t t i n o. Elementi di lingua etrusca, стр. 54.

ленное в данном случае, это окончание, безусловно, являлось архаизмом. Со временем оно потеряло свое исходное значение, чему в немалой степени способствовала также утрата корневого согласного. Таким образом, к моменту распространения перфектных образований на *-se at-* стало восприниматься как настоящая основа данного глагола (в 1-м лице), от которой и был образован перфект *at-se*.

Итак, рассмотренные формы субстантивного глагола являются, в дополнение к уже ранее приводившимся фактам, важным свидетельством индоевропейского происхождения основ этрусского языка. Надо полагать, что в массе имеющихся эпиграфических материалов скрываются и другие интересные и важные, но еще не идентифицированные индоевропейские элементы. Их выявление с помощью современных объективных научных методов должно составить ближайшую задачу этрусковедческих исследований.